

УДК 821.161.1-31

Щедрина Н. М.

Московский государственный областной университет

**ПОВЕСТЬ «ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА» И КОНЦЕПЦИЯ
«СБЕРЕЖЕНИЯ НАРОДА» А. СОЛЖЕНИЦЫНА
(К 50-ЛЕТИЮ ВЫХОДА ПОВЕСТИ ИЗ ПЕЧАТИ)**

N. Shchedrina

Moscow State Regional University

**“ONE DAY IN THE LIFE OF IVAN DENISOVICH” AND THE CONCEPT
OF “SAVING PEOPLE” OF ALEXANDER SOLZHENITSYN
(TO 50TH ANNIVERSARY OF THE FIRST PUBLICATION)**

Аннотация. Статья посвящена 50-летию со дня выхода повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» из печати. Рассматривается необходимость появления такого типа героя в литературе 1960-х годов, влияние произведения на литературный процесс XX века. Как пример анализируется характер Ивана Африкановича Дрынова из повести В. Белова «Привычное дело». Говорится о героях-праведниках Солженицына, подобных Ивану Денисовичу, Матрёне Захаровой, Захаре Калите, Спиридоне Егорове, Арсении Благодареве. Особое внимание уделено связи повести Солженицына с его концепцией «сбережения народа». Приводится оценка «Одного дня...» бывшим лагерником, историком литературы, профессором Л.А. Финком.

Ключевые слова: Солженицын, Иван Денисович, сбережение народа, лагерник, повесть.

Abstract. The article is devoted to the 50th anniversary of the first publication of Solzhenitsyn's story «One Day in the Life of Ivan Denisovich». The necessity of such a character in the literature of the 1960s and the influence of the story on the literary process of the 20th century are considered in the paper. The image of Ivan Afrikanovich Drynov's from novel «Business as Usual» by V. Belov is reviewed as an example. Solzhenitsyn righteous characters like Ivan Denisovich, Matrena Zakharova, Zakhar Kalita, Spiridon Egorov, Arseniy Blagodarev are analyzed. Special attention is paid to the connection of the Solzhenitsyn's novel with its concept of «saving people». The author also presents a review of «One Day ...» by former prisoner, literary historian and professor L. Fink.

Key words: Solzhenitsyn, Ivan Denisovich, «saving people», prisoner, novel.

В Нобелевской лекции автор повести «Один день Ивана Денисовича» дал образное определение мировой литературе «как единого большого сердца, klokotящегося в заботах и бедах нашего мира, хотя по-своему представленных и видимых во всяком его углу» [5, с. 21].

Одним из важнейших направлений её стало отражение и осмысление особой ситуации, в которой оказался человек XX века. В отличие от других эпох, он очень часто «выбрасывался» из постоянных социальных связей, прочих ниш цивилизации, меньше жил в своём доме и трудился на своём рабочем месте, чем погибал в окопах, концлагерях, трясся в эвакуационных теплушках рядом со случайными спутниками. Это уже не столько социальная принадлежность, сколько изменение её: постоянные «выбросы» из прочных детерминант меняют сознание людей, возрастает роль самого сознания. И хотя решение индивида зачастую не способны отвлечь судьбу, все же могут изменить её сущность. Когда внешние силы направлены против человека, тогда он выживает в борьбе против них только за счёт своего

© Щедрина Н. М., 2013.

самоопределения. Таким выстрадавшим героем в его творчестве стал Иван Денисович Шухов.

С образом Ивана Денисовича в литературу вошла новая этика [2, с. 13], выкованная в лагерях, через которые прошла немалая часть общества. Шухов, не желая потерять человеческое достоинство, вовсе не склонен принимать на себя все удары лагерной жизни – иначе просто не выжить. «Это верно, кряхти да гнись, – замечает он. – А упрёшься – переломишься» [4, с. 34]. Солженицын отрицает представление советских людей 1930-х годов о гордом сопротивлении личности трагическим обстоятельствам. В этом смысле Иван Денисович противопоставлен Буйновскому, олицетворяющему тип идеологизированного человека. Кавторанг лишён возможности хоть как-то опереться на свой прошлый опыт, что заметно осложняет его и без того нелёгкое положение. А недалекое будущее принесёт ему ещё более тяжкие испытания. Ведь в споре с лейтенантом Волковым за отчаянную попытку отстоять справедливость Буйновского отправляют в барак усиленного режима.

Иван Денисович предстаёт то, как бескомпромиссный носитель твёрдых убеждений и моральных принципов, то, как человек, гибко приспособившийся к обстоятельствам и сознательно уходящий от активного протеста, то, как истовый приверженец патриархальных традиций народного жизнеустройства, то, как скептик, бесстрашно оспаривающий священные евангельские заповеди. Но всё-таки главное, что выделяет в нём Солженицын, – это недюжинную силу, позволяющую ему так или иначе преодолевать лишения и тяготы, из которых буквально соткано всё лагерное бытие. Мастерской человек, охотливый до настоящей работы, Шухов по-народному терпелив и сдержан в перенесении тягот. Услужливый (порой до самоунижения), он не теряет своего достоинства, знает грань, за которую переступать нельзя. Он не суетится, когда есть возможность вымолить у Цезаря окурки, по-

отцовски бережёт глухонемого беззащитного Сеньку.

Внутренняя свобода сидевшего в застенке ГУЛАГа Ивана Денисовича помогает противостоять враждебной действительности не совершаемыми поступками, а стремлением выжить вопреки режиму. Это стремление воспринимается как сопротивление. Он способен к состраданию, терпению и испытанию, потому что не придуман, потому что вырос из собственного опыта писателя.

Многие критики и литературоведы, писавшие о повести «Один день Ивана Денисовича» в самом начале 1960-х гг., сразу после её публикации и позднее, рассматривали произведение как обвинительный приговор преступлениям «эпохи Сталина». Но такой подход явно упрощал концепцию Солженицына, как показало всё дальнейшее творчество писателя. В фокусе авторского понимания находятся истоки и приметы нравственной стойкости и честности простых, «маленьких» людей, сохранивших в себе доброту созидания вопреки воздействию социального зла, глубоко враждебного исконным народным представлениям о совести и морали.

Иван Денисович – это своеобразное воплощение народного характера, достаточно многоликого и неоднозначного. «Народный характер» Солженицын трактует намного шире, чем принято [8, с. 97], включая сюда представителей из всех слоёв общества, людей иной культурной среды, приобщённых к высшим достижениям русской и мировой цивилизации. Это его знаменитая Матрёна и повествователь («Матрёнин двор»), Костоготов («Раковый корпус»), Нержин («В круге первом»). Значимые грани русского народного характера представлены и в героях, враждебных автору, на слабости и подлости которых и держится тоталитарный режим (Русанов из повести «Раковый корпус», Яконов из романа «В круге первом»). Народ включает в себя праведников и отвернувшихся от правды, как дипломат Володин («В круге первом»), и тех, кто способен на предательство и злодеяния. Идя таким путём,

А. Солженицын сопрягает специфику народного характера с исследованием русской истории, с виной за трагические повороты которого ложится не только на плечи политических деятелей, но и на весь народ, не услышавший голосов истины и предостережения, прозвучавших со страниц «Красного Колеса».

В своё время А. Твардовский высказал мысль о том, что с А. Солженицына началось «новое летоисчисление в нашей литературе». Оно заключалось в служении и в воссоздании «растоптанной, оболганной у нас реальности», и в выдвижении нового понимания отечественной истории, и в предложенной им новой концепции человека. Его Матрёна, Иван Денисович – люди не рефлексирующие, живущие некими природными, как бы данными извне, заранее и не ими выработанными представлениями. И в такой обстановке в равной степени важно выжить физически в условиях, вовсе не способствующих этому, но не ценой потери собственного человеческого достоинства. Потерять его – значит погибнуть, то есть, выжив физически, перестать быть человеком, утратить не только признание других, но и уважение к самому себе, что равносильно смерти.

Всеми этими качествами обладал его первый характер, буквально ворвавшийся в литературу начала 1960-х годов и изменивший ситуацию в последующие годы. Сегодня становится всё явственнее, что без Ивана Денисовича не возможно появление целой плеяды героев, сложившихся как по цепочке в творчестве Ю. Казакова, Б. Окуджавы, Ю. Трифонова, Ю. Давыдова, А. Вампилова.

Но заявленный солженицынский тип «подхвачен» и в чём-то предвосхитил позднейшие искания В. Шукшина, Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Белова, В. Распутина. Но дело вовсе не в «деревенской» прозе, а в том, что литература времени появления Ивана Денисовича нуждалась в другом обыденном, негероическом типе личности, выдержавшем революцию, 1930-е гг., Отечественную войну и другие потрясения, но при этом сохранившем стойкость.

О влиянии повести об Иване Денисовиче на литературный процесс свидетельствует и появление спустя четыре года повести В. Белова «Привычное дело», вызвавшей бурную полемику. В Иване Африкановиче Дрынове критику не устраивала созерцательная покорность перед обстоятельствами жизни. Как и Солженицын, В. Белов переносит центр тяжести на пережитые героем кризисные ситуации и потери, которые не изменили человеческой сути Ивана Африкановича. Он по-прежнему на все испытания реагировал поговоркой «дело привычное», употребляемой в самых разных жизненных ситуациях. Причины испытаний, которые возникают перед человеком как преграда, заложены в насилии над ним. В этом точка схождения Белова с Солженицыным. Их герои враждебны по духу советской действительности, потому что не придуманы, «не натянуты», поэтому и выдержали оценку временем. Такие произведения Солженицын назвал «зачерпнувшими истины и представившими нам её сгущённо-живой». Они, по словам писателя, «захватывают нас, приобщают к себе властно, – и никто, никогда, даже через века, не явится их опровергнуть» [5, с. 9],

Путь, пройденный Солженицыным с конца 1950-х годов, с момента публикации «Одного дня Ивана Денисовича» в печати, продемонстрировал непосредственную связь с этой повестью всего творчества писателя. Праведники, как и Иван Шухов, труженица Матрёна Захарова, добровольный смотритель Куликова поля Захар Калита, дворник Спиридон Егоров из романа «В круге первом», русский солдат из тамбовских крестьян Арсений Благодарев в «Красном Колесе» подтверждают эту мысль.

От Ивана Денисовича начинается линия, идущая к солженицынской магистральной мысли о сбережении Шуховых для будущего. Праведничество и добросовестный труд могут спасти Россию. Заронив когда-то «зёрнышко» сбережения человека в любых условиях, даже бесчеловечных, Солженицын постепенно приходил к его укрупнению в

последующих произведениях, а затем позже сформулировал в публицистике как «сбережение народа», нации.

Позже, исторически и политически осознавший в изгнании необходимость выступить против истребления людей, писатель выразит свой тезис в лаконичной форме: «Сбережение Народа».

Ничего для нас нет сегодня важней» [6, с. 6].

Особенно ярко эта мысль выражена в публицистических работах: «Как нам обустроить Россию?» (1990), «"Русский вопрос" к концу XX века» (1994), «Россия в обвале» (1998), «Двести лет вместе» (2002); в статьях, выступлениях конца 1990-х – начала 2000-х годов: «Речи в Государственной Думе», «Слове при получении большой Ломоносовской медали Российской Академии Наук 2 июня 1999 года», на «Круглом столе» в Российской Академии Наук 24 сентября 1997 года, на церемонии вручения Большой Французской Академии моральных и политических наук в Москве 13 декабря 2000 года.

В «"Русском вопросе" к концу XX века» Солженицын уходит в глубину времён, обращается к «Проекту сбережения народа» 1754 года графа П.И. Шувалова, а затем, исходя из последующих эпох, исторически проследивает неисполненное «Сбережения Народа» и с особой остротой обосновывает эту необходимость: «"Русский вопрос" к концу XX века стоит очень недвусмысленно: *быть* нашему народу или *не быть*?» [5, с. 700-701].

Свою «Речь в Государственной Думе» 28 октября 1994 года после возвращения из изгнания он заканчивает словами: «Я неоднократно повторял: наша высшая и главная цель – это **сбережение нашего народа**, и так столь уже измученного, сбережение его физического бытия, его нравственного бытия, его культуры, его традиций» (выделено автором) [3, с. 467]. А в интервью АИФ 2-8 августа 2007 г. (журналу «Шпигель») писатель выдвинет «сбережение гибнущего народа» как национальную идею.

Этой же мыслью проникнуты фрагменты статьи Солженицына «Беглецам из рая»,

оставшейся в набросках на рабочем столе после смерти автора.

Масштаб мысли А. Солженицына позволил ему проследить нравственную эволюцию народа, в соотнесении с раскаянием, самоограничением и ответственностью и через практический результат выдвинуть идею сбережения лучших сторон народной морали и устойчивости.

Нельзя не придавать значения воздействию Ивана Денисовича – героя художественного произведения – на жизнь реальных людей, бывших лагерников, испытавших, как и автор повести, и его герой, унижения и лишения, хотя у каждого своя история. Заключение Лев Адольфович Финк, пробывший в тюрьме, ГУЛАГе в Коми, ссылке в Заполярье 17 лет, вновь «переживёт» свою жизнь в мемуарном повествовании «И одна – моя – судьба» (1993). Его арестовали в возрасте 21 года, когда учился в МИФЛИ и работал сотрудником «Литературной газеты». После лагеря, сорокалетним человеком, он поступил в аспирантуру, получил степень кандидата, потом доктора, заведовал кафедрой литературы в Куйбышевском университете более 25 лет. Написал 11 книг по истории и теории литературы.

Он был одним из глубоких исследователей литературного процесса XX века, его рассуждения-свидетельства убедительно доказывают роль повести об Иване Денисовиче Солженицына и в литературе 1960-х–1970-х гг. и с позиции осознания жизни лагерников, во многих из которых он узнал товарищей по каторге.

Л.А. Финк рассматривает в Шухове чувство ответственности человека – хозяина за своё отечество. И в этом заключается принципиальное отличие Ивана Денисовича: в таком герое очень нуждалась в те годы литература. Как бы ни пытались власти обезличить и растоптать его, вопреки этому выживал. Солженицын убеждал читателя в неисчерпаемости человеческих сил, неисчерпаемости, воспитанной и созданной его собственным трагическим социальным опытом.

Ни один из исследователей повести Солженицына не рассмотрел с пристальным вниманием малозаметный казался бы эпизод, посвящённый душевному и творческому порыву Шухова. Финк считает, что те страницы, в которых описываются последние минуты рабочего дня, полны особого драматизма. Раздаются удары по рельсу, впереди ужин и сон, закончился 11 часовой рабочий день. Но у бригады готов новый ящик с раствором, Тюрин кричит: «Выкидывай раствор на стенку», но Шухов не соглашается. Продолжает трудиться, растянув работу на 12 час: «быстро хорошо не бывает». Хоть его конвой псами травы, а не уходит с площадки, пока не убеждается: «Эх, глаз – ватерпас! Ровно! Рука ещё не старится» [4, с. 70].

«В этой гордости мастера, в этой готовности идти на любые невзгоды и неприятности во имя дела, и есть», по мнению Л.А. Финка, самое главное в Шухове. «Все у него отняли: счастье, семью, свободу, родной дом, честное имя, гражданские права... из обычного лагеря сунули в особый... в голод и холод, под власть людей ожесточившихся, обозлённых, а человеческого в Ивана Денисовиче не растоптали» [7, с. 65]. По-прежнему живёт он любовью к труду, готовностью всего себя вывернуть, всё отдать, лишь бы полезное дело сделать. «Он человек выше своей судьбы» [7,

с. 65] с фантастической приверженностью к труду, в котором и заложено сопротивление насилию.

Когда Финка спрашивали об его отношении к лагерной литературе, он отвечал: «Мне кажется, что наиболее правдивая книга – это книга Солженицына, потому что он для своего Архипелага отобрал колоссальное количество материала—разные острова, шарашки. Он знает настоящую каторгу» [1, с. 276].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Его жизнь и его судьба. Книга памяти Льва Финка. Критика, публицистика, мемуары. – СПб.: ООО ИНАПРЕСС, 2005. – 296 с.
2. Синенко В.С. Этика стоицизма Александра Солженицына. – Уфа, 1999. – 136 с.
3. Солженицын А.И. Избранное: проза, лит. критика: публицистика. – М.: «Жизнь и мысль», 2004. – 496 с.
4. Солженицын А.И. Малое собр. соч. в 7 т. Т.3. Рассказы. – М.: ИНКОМ НВ, 1991. – 297 с.
5. Солженицын А.И. Публицистика: В 3-х т. Ярославль: Верхняя Волга. 1995–1997. – Т.1. – С. 720. В текстах писателя полностью сохранены особенности авторской орфографии и пунктуации.
6. Солженицын А.И. Это и была моя реальная попытка возврата на родину // Российская газета. 17 сент. 2010. 18 с.
7. Финк Л.А. И одна – моя – судьба. – Самара, 1993. 256 с.
8. Фридлиндер Г.М. О Солженицыне и его эстетике // Русская литература. – 1993. – № 1. – С. 92-99.